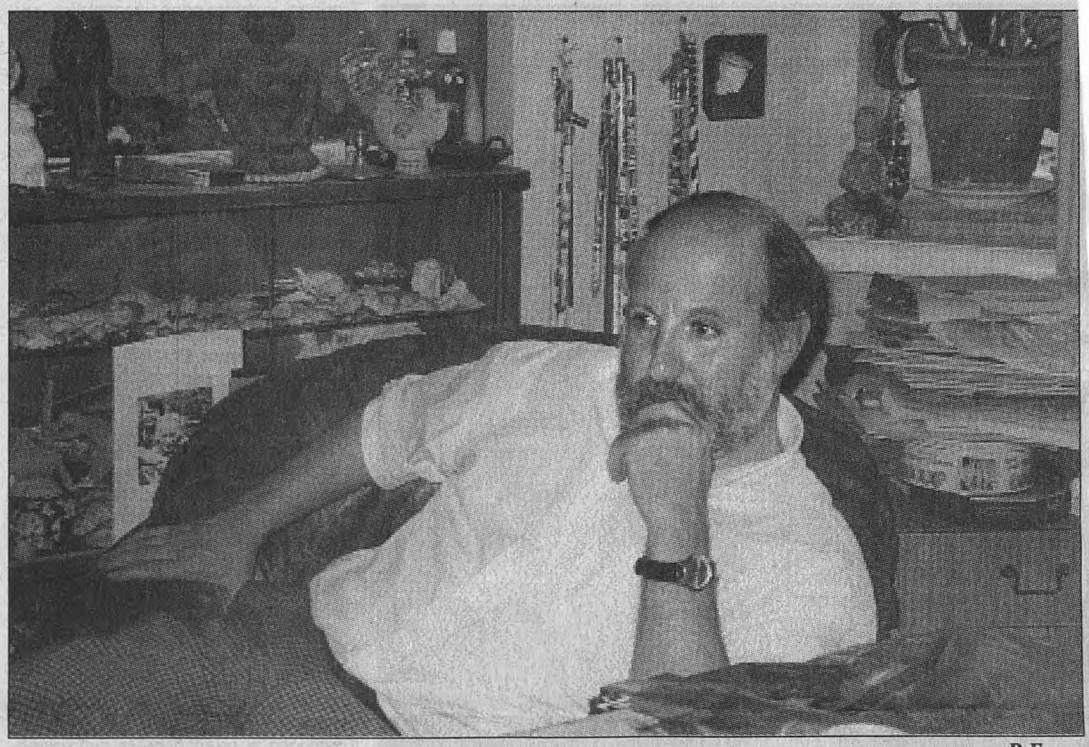
РЕНЭ ГЕРРА:

Культура. – 2002. – 10–16 окт. – с. 8

Я был первооткрывателем. И за это поплатился

Ренэ ГЕРРА, невзирая на массу публикаций о нем, продолжает оставаться фигурой загадочной и таинственной. Обладатель огромной коллекции картин, автографов и книг, в основном связанных с культурой русского зарубежья, он охотно демонстрирует ее приезжим деятелям культуры из России, навещающим его в парижском пригороде Исси-ли-Мулино. Он часто бывает в России и поражает всех, кто с ним встречается, великолепным русским языком и фантастической эрудицией. Ходили даже слухи, что он на самом деле русский и его настоящая фамилия Герасимов. Во время последнего приезда в Москву профессор Института восточных языков и цивилизации Ренэ Герра дал эксклюзивное интервью газете "Культура".



Р.Герра

– Господин Герра, как вы пришли к изучению русской культуры?

– Я француз, вырос на Лазурном берегу, где и состоялась моя встреча с Россией. Там в конце 50-х годов было много эмигрантов, так что мне остается только благодарить Октябрьскую революцию. Мне было лет одиннадцать, когда пожилая русская дама решила учить меня русскому языку, а в двенадцать я наизусть читал поэмы Пушкина, Лермонтова. Моя судьба с той поры навсегда связана с Россией и ее культурой. По окончании лицея в Канне в 1963 году я поступил в Сорбонну.

Сегодня я, во-первых, преподаю русский язык в Институте восточных языков и цивилизации, в Новой Сорбонне и в Академии финансов. Во-вторых, занимаюсь книгоиздательской деятельностью. На сегодняшний день я издал более сорока книг на русском языке. Я продолжил дело издательства "Рифма" – мне передал моральные права знаменитый критик и поэт Юрий Терапиано, но с 70-х – под маркой своего издательства "Альбатрос". Автором большинства обложек совершенно бескорыстно выступил замечательный художник Сергей Голлербах, живущий в США.

– Расскажите, пожалуйста, о вашей выставочной деятельности...

– С начала 70-х годов я стал устраивать в Париже выставки русских художников-эмигрантов. Первой стала ретроспективная экспозиция Сергея Шаршуна. С каталогом, с большим моим монографическим текстом, который я писал под руководством самого автора. Потом, в замке Кань-сюр-нер, где умер Борис Григорьев, я устроил большую выставку этого замечательного художника. Затем я организовал выставку Николая Калмакова и художников "Мира искусства". Был сделан роскошный каталог, выставка имела огромный успех. Это потрясающий, можно сказать, эзотерический художник в духе венской школы. Он был долгие годы запрещен, его спектакль "Саломея" в 1908 году, закрыли из-за слишком фривольных декораций. Повторю, это было событие, так как выставки "мирискусников" не проводились в Париже сорок лет. В каталоге я сделал текст и библиографию, чтобы показать советским искусствоведам, что и в Париже есть люди, которые тоже что-то понимают. К столетию со дня рождения Сергея Шаршуна также мною была проведена выставка и издан каталог. В городе Амьен я устроил выставку Александра Зиновьева. Это художник из Москвы, его работы покупались для Третьяковки, в 1911 году он приехал в Париж и во время Первой мировой стал художником Русского экспедиционного корпуса под командованием генерала Лохвицкого. Так же, как и Дмитрий Стеллецкий.

– Только что, кстати, в России кинорежиссер Сергей Зайцев снял фильм о Русском экспедиционном корпусе "Погибли за Францию".

– Да, это очень интересно. Потом Зиновьев работал для мюзик-холла и для Никиты Балиева, в кабаре "Летучая мышь". Он великолепный, но, к сожалению, забытый художник. Дальше, в 1989-м, состоялась моя выставка "Они унесли с собой Россию" в Третьяковке, где были представлены работы русских художников-эмигрантов с 1920-х по 1970-е из моего собрания. Сразу после Москвы выставку "Русское искусство в изгнании" показали в Париже и в Ницце. Десятки тысяч посетителей могли любоваться искусством русских художников. В 1999 году я организовал две выставки в Париже к 200-летию Пушкина – "Образы Пушкина" и "Портреты в изгнании". Каталог этой выставки открывали статьи Анри Труайя и Дмитрия Лихачева.

– Ваши планы на будущее?

– К 300-летию Санкт-Петербурга я готовлю выставку, которая состоится в Париже, в музее на Монмартре, в бывшем доме Огюста Ренуара, – "Русские художники из Петербурга. Изгнание в Париже". Выставка состоится под эгидой ЮНЕСКО, и я надеюсь, что открытие почтит своим присутствием президент Франции. В Италии, в Кунео, пройдет выставка пастелей русских художников-эмигрантов. Она скромнее, но там будет и Серебрякова, Чехонин, Добужинский, мой друг Дмитрий Бушен, который умер в Париже, не дожив два месяца до ста лет. На этой же выставке будут также пастели Сергея Шаршуна и Михаила Андреенко.

– Сколько примерно единиц хранения в вашей коллекции?

– В моем собрании представлены работы более ста художников-эмигрантов. Бакст, Коровин, Серебрякова, Бенуа. Есть, к примеру, редчайший портрет княгини Марии Клавдиевны Тенишевой работы Валентина Серова. Есть неизвестный пока портрет Веры Николаевны Буниной работы Стеллецкого. Я все время пополняю свое собрание, недавно приобрел несколько картин Эрте. Всего в моей коллекции около пяти тысяч работ – масло, пастель, гуашь, акварель, сангины, тушь и т.д. Причем в этот список не включены гравюры.

– А есть ли у вас какой-то план издания всех этих богатств?

– Культурой русского зарубежья я увлекся лет тридцать пять тому назад. Я первым понял ценность всего этого, был первооткрывателем. И за это поплатился. Потому что даже во Франции на такое занятие смотрели косо. Полагалось восхищаться Советским Союзом и советской культурой. Заниматься "отщепенцами" и изгоями как-то не полагалось. В 1968 году я приехал в Россию, чтобы работать над диссертацией о Борисе Зайцеве, а в марте 1969-го меня за это выслали. Снова я смог приехать сюда только в начале 80-х. А в самом разгаре перестройки меня опять объявили врагом в связи с возвращением на Родину Одоевцевой. Якобы я хотел помешать этому, что, конечно, полная чушь. Каждый волен ехать, куда захочет. И, можете себе представить, у меня был служебный паспорт, билет на самолет от МИД Франции, и меня не пустили. Я, наверное, последний француз, которого официально не пустили в СССР в июле 1988 года.

Возвращаясь к вашему вопросу. Материала, как вы понимаете, у меня на сто лет. Но просто не доходят руки. Я считаю, что этот архив и это собрание – дело России. Мое дело было, как пишут на православных крестах – "Спасти и сохранить". Сейчас работаем над созданием каталога. Начнем с книг с надписями и поэтического собрания.

– Что вам видится в идеале?

– В идеале мне видится создание музея. Но не просто музея, а научно-исследовательского центра. Именно в Париже, потому что это был основной центр культуры русского зарубежья. И в создании этого музея обязательно должна принять участие Россия. И я бы тогда все материалы передал туда. Уверен, что Париж с удовольствием бы предоставил помещение. Но, подчеркиваю, этим должны заниматься российские официальные структуры. Это их долг.

Беседу вел
Виктор ЛЕОНИДОВ